

CCIV 6/53

СОЛОВЕЦКІЕ

ПОДВИЖНИКИ БЛАГОЧЕСТІЯ

XVIII и XIX вѣковъ.

ОЧЕРКИ.

СОСТАВИЛЪ

Іеромонахъ Никодимъ

Смотритель Александро-Невскаго Духовнаго училища въ С.-Петербургѣ.

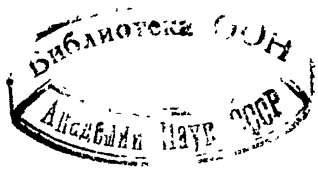
Изданіе Соловецкой Обители

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Спб акц общ печ дѣла въ Россіи Е Евдокимовъ Троицкая, 18
1900.

17

Отъ С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать разрѣшается Спб. 7 апрѣля 1900 г

Цензоръ Архимандритъ *Иннокентій*



081
37

ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ.

Какъ на небѣ сіяетъ множество звѣздъ, такъ въ мірѣ православномъ сіяютъ свѣтомъ благочестія святыя обители. Одно изъ первыхъ мѣстъ среди нихъ занимаетъ, несомнѣнно, Соловецкій монастырь, основанный трудами Преподобныхъ Зосимы, Савватія и Германа. На далекомъ сѣверѣ, среди льдовъ Бѣлаго моря, на безлюдномъ, пустынномъ нѣкогда, островѣ красуется своими бѣлыми церквами, окруженная высокими сѣро-каменными стѣнами, эта издревле славная обитель и привлекаетъ къ себѣ тысячи православныхъ паломниковъ.—«Тысячи народа изъ всѣхъ далекихъ краевъ Россіи ежегодно притекаютъ сюда, чтобы такъ или иначе воспріять здѣсь частицу лучезарнаго свѣта и понести ее въ темные уголки, во всѣхъ концахъ обширнаго нашего отечества». А многіе навсегда остаются здѣсь для иноческихъ подвиговъ и трудовъ на монастырскихъ послушаніяхъ. Здѣсь всегда были и есть, великіе въ своемъ смиреніи и простотѣ, подвижники благочестія, жизнь которыхъ можетъ всякому послужить образцомъ для подражанія.

Еще при жизни первоначальниковъ обители преп. Зосимы, Савватія и Германа процвѣтало здѣсь строгое подвижничество, и среди учениковъ преподобныхъ было нѣсколько лицъ, отличавшихся святостію своей высоко христіанской жизни. Таковы были: Іоаннъ свѣщеносецъ. Стефанъ трудникъ, Зосима-учитель и духовный отецъ преп. Ѳеодорита—просвѣтителя кольскихъ лопарей, Герасимъ, удостоенный не разъ явленій преподобныхъ Зосимы и Савватія. и другіе. Въ XVI и XVII вѣкахъ духовная жизнь развивается пышнымъ цвѣткомъ. Четверо учениковъ св. Филиппа, игумена Соловецкаго (1548—1566), а потомъ митрополита Московскаго, были прославлены отъ Бога, за свою святую жизнь, нетлѣніемъ мощей; это были преподобные Вассіанъ и Іона Пертоминскіе и Іоаннъ и Лонгинъ Яренгскіе,—утонувшіе на Бѣломъ морѣ, при исполненіи монастырскаго послушанія. Подвизается преподобный Елеазаръ Анзерскій, своими молитвами испросившій царю Михаилу Ѳеодоровичу сына, Алексѣя Михаиловича. Вмѣстѣ съ нимъ подвизаются его блаженные ученики Никифоръ, Никодимъ и Никонъ. Послѣдній, однако, чрезъ нѣсколько лѣтъ—по несогласію съ Анзерскою братіею,—оставилъ островъ, но со своимъ учителемъ навсегда остался въ дружественныхъ отношеніяхъ. Будучи сначала Новгородскимъ митрополитомъ, а затѣмъ патріархомъ, Никонъ не забывалъ своего наставника и содѣйствовалъ устроенію его скита; его любовь сказывалась во всемъ; до насъ сохранилась одна грамота Никона, въ которой онъ пишетъ, что, посылая на братію рыбы 11 осетровъ, для строителя старца Елеазара особо присылаетъ еще „рыбу бѣлужку»[1]), что уже само собою опровергнетъ то несправедливое мнѣніе,

[1]) Досиѳей, опис Сов мон I. I, 355 стр.

что Никонъ и Елеазаръ были во враждѣ[1]). Другіе два ученика преп. Елеазара всю жизнь подвизаются вмѣстѣ съ нимъ. Никифоръ умеръ ранѣе, и преп. Елеазаръ, горячо любившій его, просилъ Бога открыть загробную судьбу своего ученика и былъ удостоенъ видѣнія блаженной участи усопшаго и назвалъ его праведнымъ. Никодимъ же, по смерти преп. Елеазара († 1656 г.) занялъ его должность и скончался уже позже—въ 1677 году; но неразлучные при жизни, они всѣ трое и по смерти неразлучны; ихъ гробницы находятся въ одной часовнѣ и другъ подлѣ друга.

Настоятели монастыря, блаженный Антоній (1605—1613) и преподобный Иринархъ (1613—1626), въ это время, ревностно оберегаютъ русскія сѣверныя владѣнія отъ шведовъ и въ тоже время проводятъ высокоблагочестивую жизнь; благотворя и снисходя къ немощамъ и нуждамъ окрестныхъ мірянъ, они строги къ себѣ и проводятъ время въ постѣ и молитвѣ. При нихъ широко развивается любовь къ подвигамъ уединенія и пустынножительства и, по множеству пустынножителей, суровые сѣверные, Соловецкіе острова во всемъ напоминаютъ знойную, южную Ѳиваиду. Острова Соловецкій и Анзерскій были особенно любимы пустынниками. До насъ сохранилась „повѣсть о пустынножителяхъ Соловецкихъ“ этого времени, читая которую, невольно удивляешься тому великому самоотверженію и терпѣнію, какимъ отличались эти старцы. Такъ, старецъ Андрей, проводя время въ постоянной молитвѣ, въ темной пещерѣ, 58 лѣтъ питается только водою да дикою травою и достигаетъ такой духовной высоты, что по озеру переходитъ какъ по сушѣ. Старецъ Тимофей разсказываетъ про се-

[1]) Напр. въ брош. изд. Павленкова: „патріархъ Никонъ“.

бя другому пустыннику, юному Дамиану, впослѣдствіи преподобному Діодору, Юрьегорскому чудотворцу, такую повѣсть: „имя мое Тимофей, рожденіе въ г. Алексинѣ. Когда же по нашимъ грѣхамъ Гришка Отрепьевъ поднялъ по всей Руси мятежъ, я оставилъ родителей и все остальное: на маленькой лодочкѣ переплылъ море и достигъ этой пустыни. Здѣсь устроилъ себѣ келейку и сталъ жить. Много потерпѣлъ золъ и напастей отъ бѣсовъ: боролся съ холодомъ, жаждою и злыми помыслами: три года провелъ въ этой борьбѣ. Послѣ трехъ лѣтъ явился мнѣ благообразный старецъ. „Мужайся,—сказалъ онъ мнѣ,—и пути, ведущаго тебя ко спасенію, не забывай“. И, указывая на траву и воду, сказалъ: „этою водою и травою велѣлъ тебѣ питаться Богъ“, и скрылся изъ виду. Тогда оставили меня духи въ покоѣ, и я мирно живу, питаясь указанною старцемъ пищею“. Старецъ Никифоръ, не смотря на зимніе холодные вѣтры и лютые морозы, провелъ много лѣтъ въ уединеніи и молитвѣ, не нося на себѣ никакой одежды. Тогда же подвизались старцы: Ефремъ (Черный), Алексѣй Калужанинъ, Іоасафъ, Іоасафъ— молодой, Тихонъ Москвитянинъ, Ѳеодулъ Рязанецъ, Порфирій, Трифонъ, Севастіанъ, преп. Елисей Сумскій и много другихъ. Отсюда же вышли въ это время: преп. Іовъ Ущельскій, просвѣтитель Мезенскаго края, блаж. Исаія и Никаноръ Ручьевскіе, Аксій, Авксентій и Тарасій—Кашкаранскіе и др. Діодоръ же основалъ обитель на Юрьевыхъ горахъ, въ Онежскомъ уѣздѣ. Арх. г. А нѣсколько ранѣе вышелъ и преподобный Ѳеодоритъ, просвѣтитель кольскихъ лопарей; онъ такъ горячо любилъ своихъ духовныхъ дѣтей, что, въ глубокой старости, не смотря на недуги и неудобства путей, два раза ходилъ еще на Печенгу — изъ Спасоприлуцкаго монастыря (Вологодской епархіи)

и подвигъ поста соединилъ съ подвигомъ служенія ближнимъ.

Въ Соловецкомъ же монастырѣ приняли иночество и подвизались по нѣсколько лѣтъ, кромѣ патріарха Никона, новгородскіе митрополиты Іовъ и Исидоръ и Маркеллъ, епископъ Вологодскій, тѣло коего, не смотря на одинадцатинедѣльное пребываніе въ пути и на открытомъ воздухѣ, было „ничимъ же рушимо и лице свѣтло“, какъ доносилъ царю игуменъ Варѳоломей въ 1663 году. Вообще этотъ періодъ былъ временемъ самаго полнаго расцвѣта иноческой жизни на Соловкахъ.

Но и послѣ этого подвижничество здѣсь не прекратилось. Преподобные Зосима и Савватій никогда не оставляли небесною помощію свою обитель. Неудивительно, если, при ихъ небесномъ содѣйствіи, въ ней неизсякаемо течетъ источникъ святой жизни. Ихъ нетлѣнныя мощи постоянно напоминаютъ инокамъ ихъ обѣты, и строго внимающіе голосу совѣсти стараются подражать св. первоначальникамъ. Мощи преподобныхъ являются, такимъ образомъ, какъ бы началомъ того источника чистоты и святости, который течетъ отъ нихъ, разливаясь широкою рѣкою въ XVI—XVII вѣкахъ и въ своемъ теченіи достигая до настоящаго времени. Послѣднія два столѣтія такъ же, какъ и предъидущіе вѣка, имѣютъ своихъ подвижниковъ благочестія, жизнію и подвигами напоминающихъ былые вѣка. Рядъ соловецкихъ подвижниковъ въ этомъ очеркѣ начинается съ іеросхимонаха Іисуса и заканчивается старцемъ Наумомъ.

I

Іеросхимонахъ Іисусъ.

Жизнь іеросхимонаха Іисуса весьма замѣчательна; она преставляетъ еще новое доказательство того, что истинный христіанинъ, переходя, по какимъ либо причинамъ, отъ славы и блестящаго положенія въ обществѣ, къ состоянію незнатному и подвергаясь разнымъ несчастіямъ, не впадаетъ въ отчаяніе, смотритъ на новое положеніе, какъ на указанное самимъ Богомъ, примиряется съ нимъ и чрезъ это самъ еще болѣе прежняго возвышается нравственно.

Этотъ замѣчательный подвижникъ родился въ Москвѣ въ 1635 году; во св. крещеніи былъ названъ Іоанномъ. Кто были его родители неизвѣстно. „Старцы,—говоритъ Соловецкій архимандритъ Порфирій,—вѣроятно, не любопытствовали знать ни о родѣ его, ни о воспитаніи, а смотрѣли на дѣла, коими отличался среди нихъ богоугодный пришлецъ изъ міра“. Извѣстно, впрочемъ, что отца его также звали Іоанномъ. Вѣроятно предположеніе, что Іоаннъ происходилъ изъ духовнаго званія и былъ сынъ священника. Какъ протекло его дѣтство и юность, остается также неизвѣстнымъ; должно думать, что онъ получилъ прекрасное образованіе и былъ воспитанъ въ истинно христіанскомъ духѣ.

По достиженіи зрѣлаго возраста, благочестивый Іоаннъ былъ рукоположенъ во священника одной городской Московской церкви (какой именно—неизвѣстно) и проходилъ свое служеніе съ такимъ усердіемъ и любовью, что скоро его имя стало широко извѣстнымъ по Москвѣ. О. Іоаннъ особенно любилъ божественную литургію

и въ совершеніи ея находилъ истинное наслажденіе. Совершалъ онъ ее съ такимъ благоговѣніемъ, что всѣ невольно молились усерднѣе обыкновеннаго. А когда почему либо ему не было возможности служить самому—онъ приходилъ въ церковь, становился на клиросъ и пѣлъ; пѣніе его было сладостно и умилительно. Благоговѣйное священнослуженіе привлекало въ церковь многочисленныхъ посѣтителей. Многіе изъ нихъ предъ литургіею заходили къ о. Іоанну за словомъ назиданія. О. Іоаннъ принималъ ихъ, но болѣе охотно бесѣдовалъ послѣ службы, такъ какъ эти ранніе посѣтители своимъ приходомъ нарушали его молитвенное настроеніе. Молитва для о. Іоанна была почти постояннымъ занятіемъ; ежедневно, кромѣ правила іерейскаго, онъ прочитывалъ монашеское правило. Часто солнце заходило, наступала темная ночь, смѣнялась ночь утромъ, снова всходило солнце, а о. Іоаннъ проводилъ время въ бдѣніи и молитвѣ. Послѣ молитвы, его любимымъ дѣломъ было творить милостыню. Совершая дѣло своего служенія, онъ не ограничивался исполненіемъ однихъ требъ, но всегда входилъ въ положеніе прихожанъ, узнавалъ ихъ нужды, радости и горести и чѣмъ могъ помогалъ. Часто для бѣдняковъ устраивалъ у себя трапезу и, угощая ихъ, находилъ въ этомъ высокое духовное наслажденіе. У него не мало было вліятельныхъ знакомыхъ, и этимъ о. Іоаннъ нерѣдко пользовался для облегченія судьбы несчастныхъ. Онъ не бѣгалъ отъ своихъ знакомыхъ, нерѣдко ихъ посѣщалъ и всѣ посѣщенія направлялъ къ тому, чтобы такъ или иначе сдѣлать доброе дѣло; часто онъ пріѣзжалъ совершенно неожиданно, но этому не удивлялись и всегда радовались, такъ какъ всѣ его любили. У себя о. Іоаннъ всѣхъ принималъ. Ворота дома его постоянно были открыты, и всякій свободно приходилъ къ любимому пастырю...

А онъ, послѣ бесѣды, при прощаніи еще одарялъ посѣтителя, чѣмъ могъ. Молва объ его богоугодной жизни, любви ко всѣмъ и смиреніи широко распространилась, и это было причиною того, что о. Іоаннъ, избѣгая мірской славы, на нѣкоторое время пересталъ принимать посѣтителей. Благотворя бѣднымъ и содѣйствуя всѣмъ нуждающимся, онъ проводилъ время въ подвигахъ поста и молитвы. Но „не можетъ укрыться градъ, стоящій на верху горы". Слава объ о. Іоаннѣ распространялась все далѣе и далѣе. Узналъ объ этомъ великій государь Петръ Алексѣевичъ и сдѣлалъ о. Іоанна сначала придворнымъ священникомъ, а вскорѣ и духовникомъ всего царствующаго дома.

Измѣнилось внѣшнее положеніе о. Іоанна, но не измѣнилась отъ этого кроткая душа. Сдѣлавшись лицомъ важнымъ, о. Іоаннъ еще болѣе и шире, чѣмъ прежде, сталъ благотворить ближнимъ, во всемъ остальномъ нисколько не измѣняя своей скромной жизни. Особенною любовію въ это время стали пользоваться у него богадѣльни и всѣ заключенные въ темницѣ. Часто отправлялся придворный пастырь въ эти мѣста бѣдности и страданія. При посѣщеніи темницъ, желая скрыть себя, о. Іоаннъ, не доѣзжая, выходилъ изъ экипажа и подходилъ къ заключеннымъ уже пѣшкомъ; ласково здоровался, садился рядомъ и, съ отеческою заботою, разспрашивалъ о причинахъ заключенія. Кого могъ спасти изъ этого мѣста, спасалъ, ходатайствуя за нихъ предъ вліятельными людьми. Многіе бывали заключаемы за долги, и о. Іоаннъ нерѣдко такъ щедро одарялъ деньгами, что заключенные расплачивались и освобождались. Въ Пасху, Рождество Христово и въ недѣлю мясопустную о. Іоаннъ пріѣзжалъ нарочито въ тюрьмы, лобызалъ заключенныхъ „христіанскимъ привѣтствіемъ" и угощалъ заранѣе при-

готовленною пищею. Но нашлись недобрые люди, которые и въ этомъ истинно христіанскомъ дѣлѣ о. Іоанна увидѣли какъ бы нѣчто нехорошее и стали распространять дурные слухи. Особенно слухи эти стали распространяться послѣ того, какъ о. Іоаннъ во избѣжаніе славы сталъ посѣщать темницы по ночамъ. Чтобы не подавать повода для осужденія ни собратіямъ, ни придворнымъ, онъ пересталъ посѣщать эти мѣста, а благотворилъ чрезъ особыхъ лицъ, пользовавшихся его довѣріемъ. Будучи придворнымъ іереемъ, о. Іоаннъ снова заключился въ своей квартирѣ и почти никуда уже не выѣзжалъ. Проводя время въ подвигахъ, онъ выходилъ только къ службѣ, просителей лично не принималъ, а только переписывался съ ними, удовлетворяя всякую просьбу, въ чемъ только могъ. Въ трудахъ и подвигахъ онъ достигъ до 60 лѣтъ и, до того времени здоровый, теперь заболѣлъ весьма серьезно. Съ нимъ стали случаться припадки и обмороки, а затѣмъ, ослабѣвъ, онъ три мѣсяца пробылъ въ постели, терпѣливо перенося страданія. Черезъ три мѣсяца поправился и снова сталъ пользоваться здоровьемъ. Онъ оставилъ свое уединеніе и сталъ опять лично принимать всѣхъ посѣтителей. Прощаясь съ ними, старецъ какъ бы предчувствовалъ разлуку, — и испытывалъ глубокую печаль. Предчувствія его оправдались. Началось дѣло „вора Гришки Талицына“. Къ этому дѣлу примѣшали, какимъ то образомъ, о. Іоанна, донесли императору Петру. Императоръ счелъ докладъ справедливымъ и приказалъ отправить своего духовника къ архіепископу Холмогорскому и Важескому Аѳанасію, для постриженія въ монахи и отправленія на Соловки. Мужественно перенесъ это испытаніе о. Іоаннъ. Онъ взглянулъ на все это съ христіанской точки зрѣнія и призналъ во всемъ Волю Божію, вспомнилъ, что

еще будучи приходскимъ священникомъ желалъ онъ получить ангельскій образъ—и безропотно покорился своей участи. Оставилъ столицу и дворъ и отправился въ далекій Архангельскъ. Это было въ 1701 году. Благополучно прибылъ къ мѣсту и явился къ архіепископу съ царскою грамотою о себѣ. Преосвященный Аѳанасій принялъ Іоанна съ любовію, видя его кротость, нѣсколько дней утѣшалъ его въ своемъ домѣ и затѣмъ, для исполненія царской воли, отправилъ въ Соловецкій монастырь. Приближаясь къ обители, о. Іоаннъ невольно вспомнилъ слова псалмопѣвца: «Се удалихся бѣгая (міра) и водворихся въ пустыни, чаяхъ Бога спасающаго мя отъ малодушія и отъ бури (Пс. LIV, 8—9 ст). По прибытіи, представилъ грамоту владыки кроткому архимандриту Ѳирсу и, когда тотъ на другой день началъ рѣчь о постриженіи въ монашество, о. Іоаннъ съ полною покорностію отдалъ себя на волю настоятеля: «владыка святый,—сказалъ о. Іоаннъ,—Христосъ привелъ меня къ твоей пустынѣ, изволяя спастись мнѣ тобою; поэтому, что ты велишь мнѣ недостойному, то и сдѣлаю"—и просилъ удостоить ангельскаго образа. «Благословенъ Богъ, чадо,—отвѣтилъ на это архимандритъ Ѳирсъ,—укрѣпивый тя на подвиги; вотъ мѣсто—чтобы тебѣ спастись». И въ въ скоромъ времени въ главномъ храмѣ, постригъ его въ монашество: отецъ *Іоаннъ* сталъ священноинокомъ *Іовомъ*.

По постриженіи Іовъ былъ отданъ подъ руководство въ духовной жизни иноку Іонѣ, бывшему ранѣе келаремъ обители. Слѣдуя совѣтамъ духовнаго отца, новоначальный инокъ старался свято соблюдать свои обѣты. Лукавый духъ, пытавшійся соблазнить въ это время о. Іова, былъ имъ посрамленъ. Онъ не разъ являлся старцу въ видѣ извѣстнаго ему врача и убѣждалъ оставить

подвиги—хотя ради здоровья. «Ты, говорилъ лукавый, при старости работаешь черноризцамъ, какъ купленный рабъ. Не слѣдуетъ тебѣ такъ трудиться и потому, что ты священноинокъ. Довольно съ тебя и того, что, оставивъ славу и честь въ мірѣ, ты пришелъ въ убожество и вдался въ тяжкіе недуги. Берегись, чтобы недуги не увеличились, тогда и я не возьмусь тебѣ помогать...» «Хорошо не щадить плоти—отвѣчалъ подвижникъ—хотя плоть и изнемогла—сила Божія въ немощахъ совершается. Постъ—мать цѣломудрія. Ты внимай себѣ съ подобными». Услышавъ такой отвѣтъ, врагъ увидѣлъ себя посрамленнымъ и скрылся. Священноинокъ же Іовъ раздалъ остатки своего имѣнія и еще болѣе сталъ служить Богу въ совершенной нищетѣ. Прежняя строгая жизнь облегчала ему труды, и онъ скоро сдѣлался всѣмъ извѣстенъ своими подвигами. Съ удивленіемъ смотрѣли иноки, какъ бывшій придворный священникъ трудится вмѣстѣ съ другими и превосходитъ всѣхъ своимъ смиреніемъ. Братъ, жившій вмѣстѣ съ о. Іовомъ, говорилъ про него, что онъ не вкушаетъ ничего, кромѣ хлѣба и воды,—и братія прозвали о. Іова *постникомъ*. Со смиреніемъ и трудолюбіемъ онъ рубилъ дрова, носилъ ихъ на своихъ старческихъ плечахъ, прислуживалъ на кухнѣ въ трапезѣ. Гордость и любовь къ себѣ были далеки отъ подвижника. Скоро братія единогласно признала Іова уже совершеннымъ инокомъ, онъ былъ освобожденъ отъ послушаній и сталъ пребывать одинъ въ своей келліи, «внимая своему спасенію». Проводилъ время въ постѣ, молитвѣ, чтеніи св. книгъ и рукодѣліи. Опять слава о немъ широко распространилась повсюду и дошла до государя. Государь вспомнилъ своего духовнаго отца, убѣдился въ его невинности и снова призывалъ къ себѣ. Но, уже изнуренный лѣтами и подвигами, старецъ от-

казался возвратиться ко двору и испросивъ разрѣшеніе у архимадрита Ѳирса удалиться на безмолвіе на Анзерскій островъ. Здѣсь онъ «прилагалъ труды къ трудамъ» и служилъ братіи. Вскорѣ въ Анзерахъ умеръ строитель Амфилохій, и преосвященный Варнава, лично знавшій старца Іова, сдѣлалъ его строителемъ въ Анзерскомъ скитѣ. Вручая Іову управленіе скитомъ, архимадритъ сказалъ: «Чадо Іове, вручаю тебѣ скитъ Святыя Троицы, блюди его опасно, какъ все устроено, такъ все да будетъ; устава церковнаго не измѣняй, но твори все по правиламъ святыхъ отецъ». И священноинокъ Іовъ свято соблюдалъ наставленія своего учителя, въ теченіе 8 лѣтъ завѣдывая скитомъ Св. Троицы и преподобнаго основателя Елеазара. По прибытіи въ скитъ, старецъ собралъ всю братію, отслужилъ съ ними молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ Пресвятой Троицѣ и преподобному Елеазару, прося благословенія Божія и помощи угодника. А послѣ молебна обратился къ братіи съ краткимъ словомъ, увѣщевая на подвигъ.

Сдѣлавшись настоятелемъ Анзерскаго скита, священноинокъ Іовъ съ усердіемъ сталъ заботиться о духовномъ совершенствованіи подчиненной братіи. Часто старецъ по ночамъ обходилъ келліи. Если онъ видѣлъ инока на молитвѣ, радовался и тихо удалялся. Если же видѣлъ ихъ говорящими, то стучалъ въ дверь и уходилъ, глубоко опечаленный. На утро призывалъ къ себѣ нерадиваго и убѣждалъ трудиться. Внушенія его не оставались безплодными. Братія старалась подражать ему, нѣкоторые по его благословенію удалялись въ уединеніе и тамъ подвизались въ молитвѣ. Отецъ Іовъ часто посѣщалъ этихъ пустынниковъ и, уже тогда обладая даромъ прозорливости, если видѣлъ уклоненія, исправлялъ и наставлялъ: изъ его учениковъ своею строгою жизнію

были извѣстны два инока—схимонахъ Матоій и монахъ Макарій; число же всей братіи возросло до 30 человѣкъ. Уча другихъ, о. Іовъ въ тоже время самъ подвизался еще усерднѣе прежняго. Особымъ подвигомъ, который онъ принялъ на себя въ Анзерахъ, было служеніе братіи въ больницѣ; ухода за больными онъ не покидалъ потомъ до самой своей смерти. Часто, поручая управленіе Матоію или Макарію, старецъ удалялся въ пустыню и тамъ проводилъ по нѣскольку времени. Нерѣдко онъ посѣщалъ пустынника Паисія для духовной бесѣды, который жилъ на высокой горѣ; на этой горѣ подвизался по нѣскольку времени преподобный Елеазаръ Анзерскій и здѣсь-то было угодно Богу, чтобы былъ устроенъ храмъ и братство; орудіемъ же своей воли Ему благоугодно было избрать священноинока Іова, который въ это время уже носилъ имя *Іисуса* (въ честь Іисуса сына Навина) и былъ сподобленъ (съ 1710 г.) равноангельскаго образа. Находясь на этой горѣ, іеросхимонахъ Іисусъ однажды, начавъ молитву съ ранняго времени, продолжалъ ее, не прерывая, далеко за полночь. Наконецъ, утрудившись, онъ забылся въ легкомъ снѣ и видитъ: его келлія вся освѣтилась неземнымъ свѣтомъ и въ нее вошла Пресвятая Дѣва съ Преподобнымъ Елеазаромъ Анзерскимъ. Въ благоговѣйномъ трепетѣ и духовной радости до земли преклонился старецъ предъ Царицею Небесною. Она же сказала ему: «Сія гора отнынѣ нарицается второю Голгоѳою: на ней имѣетъ быть построена великая каменная церковь во имя Сына Моего и Господа, и устроится скитъ на вселеніе твое съ двумя учениками, имена коихъ схимонахъ Матоій и монахъ Макарій; скитъ прозовется Распятскимъ, соберется къ тебѣ множество монаховъ, и прославится на ней имя Божіе. Я сама буду посѣщать гору и пребуду съ вами во вѣки». Когда

Пречистая и Преподобный Елеазаръ удалились, раздался другой голосъ съ неба: «Освяти гору Голгоѳу и постави на ней крестъ». Съ радостію выслушалъ Божію волю старецъ Іисусъ и разсказалъ обо всемъ своему другу — старцу Паисію, и вмѣстѣ прославили Бога. На другой день освятилъ онъ эту, предъизбранную Богомъ, гору окропленіемъ св. воды, отслужилъ двукратно молебенъ; съ нимъ были тогда Паисій, Матоій, Макарій и вся Анзерская братія. Согласно волѣ Божіей на горѣ былъ водруженъ св. крестъ изъ дерева; онъ былъ сдѣланъ еще ранѣе самимъ о. Іисусомъ, а тогда старецъ Паисій вырѣзалъ на немъ слова Пресвятой Богородицы и гласъ съ неба. Въ настоящее же время крестъ этотъ находится надъ гробницею подвижника (въ кіотѣ подъ стекломъ). Послѣ этого Іисусъ сложилъ съ себя строительское званіе и съ ученикомъ Макаріемъ отправился въ Архангельскъ къ преосвященному Варнавѣ за разрѣшеніемъ на постройку церкви и скита. Архипастырь исполнилъ волю Пресвятой Богородицы во всемъ, и 15 іюня 1713 года далъ свою грамоту на постройку двухъ церквей—одной во имя Распятія, на вершинѣ горы, а другой подъ горой, на мѣстѣ явленія,—въ честь Успенія Божіей Матери, повелѣвая назвать гору Голгоѳою. Съ радостію возвратился старецъ и сталъ устроять скитъ; но встрѣтились непредвидѣнныя препятствія, и старецъ снова отправился къ владыкѣ, прося дать грамоту на постройку одной церкви (первой); преосвященный Варнава исполнилъ просьбу старца и далъ грамоту 18 сентября 1714 года. По возвращеніи отъ владыки, старецъ іеросхимонахъ Іисусъ снова принялся за дѣла и, при помощи учениковъ и братіи, выстроилъ на горѣ церковь во имя Распятія Христова. Эта церковь была освящена, по грамотѣ преосвященнаго Варнавы отъ 15 мая 1715 года,

въ томъ же 1715 году архимандритомъ Ѳирсомъ. Около новоустроенной церкви стали селиться иноки; и вскорѣ образовалось братство изъ 20 человѣкъ, подъ управленіемъ о. Іисуса. Старецъ принималъ жить всѣхъ, но не всѣхъ и не скоро удостоивалъ ангельскаго образа, а только по достаточномъ испытаніи. Для собравшихся же былъ имъ составленъ строгій уставъ. Въ устроеніи скита ему много помогали его прежнія духовныя дѣти. Императоръ Петръ, узнавъ о явленіи о. Іисусу Пресвятой Богородицы и Преподобнаго Елеазара и объ устроеніи скита, приказалъ высылать изъ Архангельска братіи продовольствіе. Царица Параскева Ѳедоровна, супруга покойнаго царя Іоанна Алексѣевича, дала 100 рублей, свѣтлѣйшій князь Меньшиковъ пожертвовалъ 100 червонцевъ. Но особенно заботилась и благотворила Голгоѳскому скиту царевна Марія Алексѣевна. Она прислала много драгоцѣнныхъ сосудовъ, дорогихъ одеждъ и книгъ (съ мѣтками Голгоѳскаго скита) и, кромѣ того, икону Успенія Пресвятой Богородицы, въ дорогой ризѣ. Скитъ мало по малу устроялся; однажды напали на него разбойники, разграбили его, а братію разогнали; старецъ Іисусъ въ это время молился въ келліи... Впрочемъ, братія скоро возвратилась, испросила прощеніе у своего наставника за малодушіе, и снова потекла жизнь въ богоугодныхъ подвигахъ. Преклонный лѣтами старецъ всѣмъ подавалъ примѣръ воздержанія и смиренія. Однажды келарь пришелъ къ нему и сказалъ: «пусть кто-либо праздный изъ братіи идетъ колоть дрова, скажи имъ, отче». Видя, что братія не желаетъ слушаться келаря, старецъ самъ идетъ и колетъ дрова, братія устыдилась, и всѣ стали колоть дрова на монастырскую трапезу. Въ другой разъ тотъ же келарь приходитъ къ нему и говоритъ: «Отче, неко-

му воды наносить въ поварню». Старецъ опять пошелъ на послушаніе самъ: это случилось въ день Успенія Божіей Матери и опять послужилъ братіи урокомъ. Въ это время уже во всей очевидности открылись въ старцѣ іеросхимонахѣ Іисусѣ слѣды высшей духовной силы. Старецъ видѣлъ, что братію весьма изнуряетъ то, что воду приводится носить постоянно изъ-подъ горы—съ большими затрудненіями. Жалѣя ихъ, онъ обращается за помощію къ Божіей Матери. Молитва его была услышана: Пресвятая Дѣва вторично явилась Іисусу съ Преподобнымъ Елеазаромъ Анзерскимъ и двумя ангелами Старецъ палъ до земли предъ небесною Гостьею. «Востани—сказала Она ему,—услышана молитва твоя. Заутра возьми учениковъ твоихъ и ископай на горѣ кладезь (указываетъ мѣсто). Тутъ будетъ вода на потребу тебѣ и братіи»—и на утро былъ открытъ на самой горѣ новый источникъ воды. Чрезъ нѣсколько времени послѣ этого событія къ Іисусу пришли разбойники. Въ ожиданіи скораго его ухода къ литургіи, они скрылись около келліи, намѣреваясь его ограбить. Старецъ, провидя это, въ своей молитвѣ проситъ Бога вразумить ихъ и послать имъ сонъ. Господь исполнилъ его желаніе, и воры, не пробуждаясь, проспали пять сутокъ. Старецъ разбудилъ ихъ, накормилъ, уличилъ и, когда раскаялись, съ миромъ отпустилъ. Вскорѣ эти воры подпали суду, но отецъ Іисусъ спасъ ихъ, продавъ свои послѣднія книги. Воры пришли въ скитъ, прожили въ трудахъ на братію годъ и возвратились въ міръ уже честными тружениками. Такими же честными людьми и также послѣ годичной жизни у старца возвратились въ міръ другіе воры, хотѣвшіе украсть братскія овощи изъ огорода; они не могли даже сойти съ мѣста, пока самъ старецъ, по молитвѣ, не отпустилъ ихъ. Были и другіе

случаи, ясно говорящіе вѣрующему сердцу, что іеросхимонахъ Іисусъ—угодникъ Божій и помощникъ людямъ въ ихъ болѣзняхъ и нуждахъ.

Предчувствуя кончину, старецъ выкопалъ себѣ могилу и нерѣдко проводилъ у ней время въ молитвѣ. Вскорѣ случилась съ нимъ старческая немощь, осложнилась горячкою, и онъ трое сутокъ пролежалъ безъ движенія. Всѣ думали, что онъ уже умретъ. По истеченіи трехъ дней, старецъ очнулся, къ нему на нѣкоторое время возвратились силы, и онъ избралъ себѣ преемника въ лицѣ ученика Макарія. Еще задолго до этого, при первомъ изнеможеніи, по откровенію свыше, іеросхимонахъ Іисусъ возвѣстилъ братіи свою кончину—«въ недѣльный день до восхода солнца». Указывая на это, онъ говорилъ имъ: «время живота моего скончается, вы же изберите изъ среды своей наставника себѣ вмѣсто меня: я его поставлю и благословлю». И когда братія указала на Макарія, старецъ благословилъ его и далъ нѣсколько наставленій, на которыя тотъ отвѣчалъ обѣщаніемъ свято исполнить его волю. Чувствуя облегченіе, онъ еще разъ совершилъ Божественную литургію, къ великой радости учениковъ, пріобщилъ ихъ Св. Таинъ и снова легъ на свой одръ. съ котораго уже болѣе не вставалъ. Наступала кончина подвижника: величественны и умилительны были эти минуты. Нигдѣ такъ, какъ здѣсь, не обнаруживалась та великая истина, что для христіанина смерть не страшна, что она есть только переходъ къ новой лучшей жизни, и старецъ радовался началу этой новой, прекрасной жизни, а братія плакала, предвидя скорую разлуку съ любимымъ наставникомъ. Въ послѣдній разъ онъ призвалъ къ себѣ братію, каждаго отдѣльно благословилъ и облобызалъ, увѣщевая неуклонно подвизаться на

пути спасенія. «Отче святый, — говорила братія съ плачемъ,—какъ мы останемся безъ тебя въ сиротствѣ? мы желали бы съ тобою умереть: ибо ты насъ велъ ко Христу за собой, а нынѣ далеко оставляешь». «Утѣшьтесь, мои возлюбленные! ибо я, хотя тѣломъ разлучаюсь, но духомъ пребуду съ вами навсегда». Съ этими словами отпустилъ ихъ по келліямъ; была уже ночь на Воскресенье (недѣлю православія—6 марта 1720 года); братія разошлась по келліямъ, но одинъ инокъ, движимый любопытствомъ, остался и чрезъ щель сталъ смотрѣть въ келлію умирающаго. Онъ видѣлъ, что дважды вставалъ старецъ, молился, благодаря Бога за прошедшую жизнь. Наконецъ возлегъ: лице его просіяло, послѣ нѣкотораго молчанія воскликнулъ: «Благословенъ Богъ отецъ нашихъ! если такъ есть, то уже не боюсь, но въ радости отхожу отъ міра сего». Въ келліи явился свѣтъ и раздалось чудное пѣніе: *Яко пройду въ мѣсто селиія дивна, даже до дому Божія, во гласѣ радованія и исповѣданія, шума празднующаго* (Пс. XLI, 5). Старецъ сложилъ крестообразно руки и умеръ, какъ бы заснулъ.

Братія услышала это пѣніе и, думая, что началась уже утреня, поспѣшила въ церковь. Но церковь была заперта, и тогда, прислушавшись, всѣ поняли, что пѣніе раздавалось изъ келліи усопшаго старца. Они вошли въ келлію и огласили ее своимъ горькимъ плачемъ. Съ честію приготовили тѣло старца къ погребенію и перенесли его въ церковь безъ народа. Хотя множество собралось на Голгоѳу людей,—а ихъ никто не увѣдомлялъ о кончинѣ старца,—но не могли придти на переносъ тѣла изъ келліи, вслѣдствіе особенно сильнаго дождя; желаніе старца исполнилось—онъ былъ перенесенъ и погребенъ безъ „бытности мірскихъ людей“. Благоговѣйно

отпѣли братія его тѣло и похоронили въ могилѣ, собственноручно имъ выкопанной. Нынѣ надъ его могилою храмъ и устроена рака, на которой сдѣлано и изображеніе самого іеросхимонаха Іисуса. А братія еще тогда положили на его могилу доску, на которой было написано: „Здѣсь скончался 1720 г., марта 6 дня, преподобный Іовъ, въ схимѣ Іисусъ, строитель прежде бывшій анзерскій, а потомъ голгоѳскій, рожденный 1635 года. Въ монашество поступилъ 1701 года. Въ Анзерскій скитъ пришелъ на безмолвіе 1702 г. Строительство Анзерское принялъ 1706 г. Въ схиму постригся въ 1710 году, на гору Голгоѳу пришелъ жить строителемъ 1714 года. Показавшій образъ добродѣтелей словомъ и житіемъ, любовію и духомъ, вѣрою и чистотою сердечною. Этими словами братія кратко, но вѣрно выразили свое замѣчательно правильное пониманіе личности іеросхимонаха Іисуса. Дѣйствительно, это былъ истинный христіанинъ, никакія испытанія не могли отвратить его отъ любви къ Богу, ввергнуть въ отчаяніе и уныніе; вѣра и надежда всегда его поддерживали и тогда, когда другой впалъ бы въ отчаяніе, онъ нашелъ новыя силы для новой дѣятельности и является предъ нами великимъ въ своемъ смиреніи подвижникомъ благочестія. Благоговѣйная память о немъ свято чтится служеніемъ панихидъ.

Скитъ іеросхимонаха Іисуса, послѣ его смерти, утратилъ свою самостоятельность, былъ въ подчиненіи у Соловецкаго монастыря, и изъ него были вывезены всѣ его сокровища; братія разошлась въ Анзерскій скитъ и Соловецкій монастырь. Въ 1723 году онъ соединенъ съ Анзерскимъ скитомъ. Въ 1764 году отданъ въ вѣдѣніе Соловецкаго монастыря, настоятелемъ коего, Досифеемъ II былъ возобновленъ и приведенъ въ благоустроенный видъ. Старая церковь во имя Распятія была перенесена

подъ гору и поставлена на мѣстѣ перваго явленія Божіей Матери іеросхимонаху Іисусу. Вмѣсто ея была выстроена новая, каменная во имя Распятія Господня и придѣлъ во имя Успенія Божіей Матери, гдѣ и находится гробница подвижника. У гробницы напрерывно днемъ и ночью (кромѣ часовъ богослуженія) живущіе здѣсь, старцы читаютъ псалтирь съ поминовеніемъ о здравіи Августѣйшаго Дома и Святѣйшаго Синода, а равно и другихъ лицъ, и за упокой всѣхъ православныхъ и прежде всего іеросхимонаха Іисуса.

II

Подвижники пустынножители.

Послѣ іеросхимонаха Іисуса монашество продолжало процвѣтать на Соловкахъ развиваясь въ двухъ направленіяхъ; одни иноки достигали совершенства въ духовной жизни пустынножительствомъ, а другіе—подчиняясь всѣмъ требованіямъ общежитія и трудясь на братію. То и другое направленія имѣютъ своихъ представителей—людей, достигшихъ высокаго духовнаго совершенства и удостоенныхъ еще при жизни дара прозрѣнія и чудотворенія.

Пустынножительство процвѣтало и процвѣтаетъ преимущественно въ Филипповой пустынѣ и въ Анзерахъ гдѣ уединенная мѣстность и суровая природа, не лишенная однако своеобразной красоты, сами по себѣ располагаютъ къ богомыслію и молитвѣ. Здѣсь подвизались старцы Герасимъ, Панфилъ, Никодимъ, Іоаннъ, Ѳеодоръ, и многіе другіе. Старецъ Герасимъ пришелъ изъ Никандровой пустыни и подвизался вмѣстѣ со своимъ ученикомъ Панфиломъ. Оба они перенесли много искушеній.

У Панфила отъ одного страшнаго искушенія даже искривилось лицо и закрылся глазъ. Но они не были лишены и благодатныхъ озареній. Оба они часто видали свѣтъ на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ устроена церковь Живоноснаго Источника. Панфилъ умеръ въ 1845 году, а учитель чрезъ три года спустя. Никодимъ и Іоаннъ были друзья между собою. Пройдя разныя монастырскія испытанія и послушанія, они поселились въ Филипповой пустыни, въ недалекомъ другъ отъ друга разстояніи и здѣсь спасались, нерѣдко навѣщая другъ друга и проводя время въ общей молитвѣ. Первый скончался въ 1854 году, а послѣдній въ 1876 году. Ѳеодоръ же подвизался въ Андреевскомъ скитѣ на Заяцкомъ островѣ, а скончался въ Анзерскомъ скитѣ. Наиболѣе же полнымъ выразителемъ пустынножительскаго направленія изъ соловецкихъ подвижниковъ этого времени несомнѣнно является старецъ Ѳеофанъ, жизнь коего поэтому и опишемъ подробнѣе.

III

Старецъ Ѳеофанъ.

Старецъ Ѳеофанъ былъ изъ малороссійскихъ крестьянъ 12-ти лѣтъ онъ лишился родителей, а съ 16-ти долженъ былъ взяться за хозяйственныя работы. Однажды, во время работы на полѣ, ему пала на сердце мысль оставить все и послѣдовать Христу. Немедленно онъ оставилъ воловъ и, не простясь даже съ братомъ и сестрою, ушелъ въ Кіево-Печерскую Лавру, гдѣ и былъ принятъ въ качествѣ послушника. Семнадцать лѣтъ провелъ Ѳеофанъ въ различныхъ испытаніяхъ, а затѣмъ былъ отданъ подъ начало прозорливому за-

творнику Досифею. Подъ руководствомъ мудраго старца онъ быстро совершенствовался въ духовной жизни, и у него родилось желаніе видѣть святыя мѣста. О своемъ желаніи онъ сказалъ учителю, но тотъ не благословилъ его на путь. „Нѣтъ тебѣ пути ни въ Іерусалимъ, ни въ Святую Гору, въ свое время тебѣ предлежитъ другой путь. А теперь, если желаешь, ступай въ Молдавію“, говорилъ прозорливый старецъ своему ученику и указалъ двухъ спутниковъ. Вмѣстѣ съ указанными старцемъ спутниками, Θеофанъ отправился въ Молдавію

Перенеся массу всевозможныхъ дорожныхъ трудовъ и притѣсненій отъ турокъ, странники благополучно прибыли въ Нямецкій монастырь Паисія Величковскаго. Θеофанъ былъ принятъ съ любовію и сталъ продолжать здѣсь свои иноческіе подвиги. Проведя нѣсколько времени въ этой обители и посѣтивъ другія, Θеофанъ былъ пораженъ строгостію жизни молдавскихъ старцевъ и просилъ игумена Паисія дозволить ему остаться тутъ навсегда. Но Паисій не исполнилъ его просьбы и велѣлъ идти въ Россію. „Иди теперь въ Россію и еще нѣмного послужи, старцу имѣющему скоро скончаться и, по благословенію его, иди спасаться, куда онъ укажетъ“, говорилъ подвижникъ и велѣлъ передать братскій привѣтъ старцу. Снабженный всѣмъ необходимымъ, Θеофанъ отправился на родину и, благополучно прибывъ въ Китаевскую пустынь, по прежнему сталъ служить своему духовному отцу. Однако это не долго продолжалось. Старецъ Досифей почувствовалъ приближеніе смерти и, призвавъ своего любимаго ученика, далъ ему такой совѣтъ: „Возлюбленное чадо мое, ты много послужилъ мнѣ. Теперь я отхожу въ путь отцевъ моихъ. Когда погребутъ меня, не оставайся здѣсь, но иди на сѣверъ: тамъ въ обители Соловецкой ты найдешь спасеніе“. „Отче,—возразилъ

со смущеніемъ на это ученикъ,—я обѣщался проводить жизнь при пещерахъ преп. Антонія и Ѳеодосія". „Чадо, —успокоилъ его старецъ,—предъ Богомъ равны—здѣсь Антоній и Ѳеодосій, тамъ—Зосима и Савватій. Они имѣютъ одинаковую благодать у Бога ходатайствовать за духовныхъ чадъ своихъ. Вижу, что Божественный Промыслъ указуетъ тебѣ мѣсто на сѣверѣ, и вѣрую, что строитъ все по желанію твоему, на пользу и спасеніе души твоей, и поможетъ тебѣ понести скорби пустыннаго житья. Не противься опредѣленію Вышняго, но, пребывая тамъ, внимай себѣ и блюдись отъ лютаго звѣря, ищущаго поглотить тебя. Если же и найдешь искушеніе — не унывай, но старайся мужественно исправить себя". Старецъ скоро скончался (въ 1778 году), и Ѳеофанъ отправился на Соловки, хотя и не сразу. Сначала онъ думалъ было жить въ Кіевѣ, но когда увидѣлъ, что нигдѣ ему не удается устроиться, покорился совѣту старца и прибылъ въ назначенную обитель, при архимандритѣ Іеронимѣ. Здѣсь онъ проходилъ разныя послушанія и, трудясь въ просфорнѣ, близко узналъ одного инока Климента. Климентъ познакомилъ Ѳеофана съ соловецкимъ пустынножительствомъ, и, когда Климентъ удалился въ пустынь, Ѳеофанъ послѣдовалъ его примѣру. Онъ провелъ нѣсколько времени въ землянкѣ, близъ Ягоднаго озера, и узналъ нѣсколько подвижниковъ. Но на этотъ разъ Ѳеофану не долго привелось пожить въ пустынѣ. Онъ былъ вызванъ въ обитель и сдѣланъ начальникомъ сумскаго монастырскаго подворья, а затѣмъ и экономомъ обители. Болѣе $3^1/_2$ лѣтъ провелъ такъ Ѳеофанъ. Жизнь въ соприкосновеніи съ міромъ не могла пройти безслѣдно и она повліяла неблагопріятно на душевный строй о. Ѳеофана. Промыслъ Божій не попустилъ подвижнику сойти съ избраннаго пути. Однаж-

ды звонарь, заблудившись въ лѣсу, встрѣтился съ Климентомъ, котораго нѣкогда зналъ, а нынѣ совершенно потерялъ изъ виду отецъ Ѳеофанъ; Климентъ, разспросивъ звонаря обо всемъ и о Ѳеофанѣ, глубоко опечалился, когда узналъ, что тотъ занимаетъ должность экономa. Отпуская звонаря, старецъ далъ такой наказъ: „Скажи ему, Господа ради, что онъ погибаетъ. Передай ему скорбь мою. Гдѣ его прежняя подвижническая жизнь? Гдѣ ревность къ добродѣтели и желаніе пустынной жизни? Находясь среди міра, онъ болѣе и болѣе погрязаетъ въ житейскихъ заботахъ". Разсказъ звонаря и слова друга глубоко потрясли о. Ѳеофана. Онъ рѣшился снова пустынножительствовать. Скоро представился и случай оставить должность экономa. Новый настоятель Герасимъ замѣтивъ упущенія въ работахъ и сталъ дѣлать строгіе выговоры о. Ѳеофану. Тогда о Ѳеофанъ оставилъ все и на маленькомъ карбасѣ пустился въ море, надѣясь выйти на взморьѣ и тамъ подвизаться. Но поднялась буря, десять дней носился карбасъ по бурному Бѣлому морю, наконецъ, онъ былъ выброшенъ на кемскій берегъ. Спасенный такъ чудесно отъ смерти, старецъ поселился около г. Кеми, въ густомъ лѣсу; но его скоро открыли, привезли въ Кемь и посадили въ темницу. Но разъ сторожъ заснулъ, и старецъ снова вышелъ на свободу, удалился верстъ за 40 отъ города и снова сталъ подвизаться. Трудно было сначала, старцу приводилось питаться мохомъ и ягодами, болѣе у него ничего не было. Чрезъ долгое время онъ досталъ. однако, земледѣльческія орудія и сталъ разводить овощи. Большую же часть времени проводилъ въ постѣ и молитвахъ. Кемляне знали старца, любили его и нерѣдко посѣщали. Въ первое время по поселеніи здѣсь на него, разъ, напали разбойники. Узнавъ въ старцѣ соло-

вецкаго эконома и думая, что онъ бѣжалъ съ большими деньгами, они требовали отъ него денегъ. А когда ничего не получили, то мучили его, протаскивая на веревкѣ изъ одной проруби въ другую, и, наконецъ, бросили едва живымъ. Старецъ же молился и благодарилъ Бога за испытаніе. Впослѣдствіи его никто, уже не безпокоилъ, и онъ мирно, въ подвигахъ, прожилъ 24 года Но мѣстныя власти, видя, что народъ толпами ходитъ къ старцу и тотъ ихъ учитъ, подозрительно смотрѣли на это, и по этой причинѣ старецъ Ѳеофанъ былъ взятъ и привезенъ въ Соловки. Впрочемъ, его здѣсь не стали удерживать и отпустили въ Анзерскій скитъ на безмолвіе. Тамъ онъ провелъ въ подвигахъ еще нѣсколько лѣтъ и достигъ высокаго совершенства. Нечистые духи много его искушали, но онъ отгонялъ ихъ молитвою Однажды нечистый духъ явился старцу во время молитвы и сказалъ ему: «Ты дѣлаешь свое, а я—свое. Одного ученика я поразилъ двумя стрѣлами, а другому шепчу на ухо». Старецъ немедленно призвалъ учениковъ, и найдя въ нихъ дѣйствительно грѣховныя мысли, исправилъ ихъ и еще болѣе усиленно сталъ молиться. Поборовъ всѣ искушенія, Ѳеофанъ былъ удостоенъ и дара прозрѣнія въ будущее. Однажды, при архимандритѣ Паисіѣ, произошло нестроеніе въ обители. Нѣкоторые изъ братіи обратились къ о. Ѳеофану съ вопросомъ: «скоро-ли это прекратится?» «Вскорѣ, по молитвамъ преподобныхъ, это пройдетъ, и обитель еще болѣе прославится. Въ обители будутъ два настоятеля, подобные Зосимѣ и Савватію, которые въ смиреніи духа и въ простотѣ сердца управятъ ею—тогда многіе преуспѣютъ въ добродѣтели». Слова его скоро оправдались. Господь утѣшалъ подвижника и благодатными посѣщеніями. Ему явилась разъ во снѣ жена, сіяющая благолѣпіемъ, съ

двумя свѣтозарными мужами и ободряла не бояться бѣсовскихъ искушеній. Правда, предъ самою смертію на него напали злые люди и жестоко его избили, опалили все тѣло огнемъ и вырвали волосы на головѣ и бороду. Но это было уже послѣднимъ испытаніемъ. Однажды неземной свѣтъ озарилъ келлію, и старцу явился іеросхимонахъ Іисусъ Голгоѳскій. «Радуйся, братъ, скоро наступитъ твой конецъ»[1]).—сказалъ блаженный, и видѣніе прекратилось. Въ другой разъ ему явились еще двое, бывшихъ извѣстными, подвижниковъ, нѣсколько лѣтъ уже умершихъ и утѣшили его надеждою на спасеніе. Старецъ еще прожилъ до лѣта, тогда у него открылась горячка, и онъ мирно скончался 26 іюля 1819 года [2]).

IV.

Подвижники общежительные иноки.

Въ то время, какъ пустынножители достигались завѣтной цѣли путемъ поста и созерцательной дѣятельности, киновиты достигали той же цѣли дѣятельнымъ путемъ—безропотно исполняя всякія работы. Старецъ іеромонахъ Матѳей свято проводилъ жизнь, будучи сначала закупщикомъ, а потомъ казначеемъ. Старецъ Зосима 47 лѣтъ провелъ въ занятіи, лѣтомъ—рыбною ловлею въ тоняхъ Троицкой и Кирилловской, а по зимамъ—вязаніемъ сѣтей. Этотъ старецъ, умирая, предсказалъ скорое отступленіе отъ обители англичанъ, тогда стоявшихъ у

[1]) Солов. Патерикъ, 1873 г., 153 стр.

[2]) Гробница подвижника находится подъ поломъ церкви преп. Германа у мѣстнаго образа Пресв. Богородицы

монастыря. Тѣмъ же путемъ шелъ ко спасенію старецъ Адамъ, учителемъ котораго былъ схимонахъ, его родной дядя, Андрей, мужъ высоко святой жизни. Старецъ Михаилъ 24 года кротко и трудолюбиво занимался кузнечествомъ и скончался еще очень молодымъ, но уже совершеннымъ въ духовной жизни. А старцы Макарій, Матѳей и Іеронимъ, будучи киновитами и подчиняясь всѣмъ требованіямъ общежитія, тѣмъ не менѣе жили въ своихъ келліяхъ какъ истинные пустынножители. Первые два—одинъ изъ духовнаго званія, а другой изъ крестьянъ. Послѣдній же былъ близко знакомъ съ Фотіемъ, впослѣдствіи юрьевскимъ архимандритомъ, а тогда законоучителемъ кадетскаго корпуса, узналъ отъ него о распространеніи массонства и донесъ правительству. За это былъ посаженъ въ Петропавловскую крѣпость, оттуда въ 1830 году былъ переведенъ подъ строгій надзоръ на Соловки и здѣсь скончался, 82 лѣтъ, 23 сентября 1847 года, любимый и уважаемый всѣми за удивительный даръ слова и святую жизнь.

V

Старецъ Наумъ.

Наиболѣе же полнымъ выразителемъ этого направленія, подобно Ѳеофану въ пустынножительствѣ, былъ старецъ Наумъ. Старецъ Наумъ былъ корелъ. Родители его Пахомій и Мавра, были простые и бѣдные поселяне. Они скоро умерли, но Богъ не оставилъ сироту Наума. Еще въ самомъ раннемъ дѣтствѣ у мальчика проявлялось стремленіе къ монашеству. «Мнѣ часто являлись.—разсказывалъ онъ впослѣдствіи,—въ снови-

дѣніяхъ добрые старцы въ монашескомъ одѣяніи, которые звали меня куда-то съ собою. Я не видалъ еще въ то время иноковъ, но, побывавъ въ монастырѣ, узналъ, къ какому чину принадлежали являвшіеся мнѣ таинственные посѣтители и куда они меня приглашали». Это влеченіе нашло себѣ исполненіе, когда Науму было 14 лѣтъ (въ 1791 г.). Его взялъ къ себѣ одинъ богатый корелъ, ловившій рыбу у Реболдской губы (по арендѣ). Наумъ пріѣхалъ на промыселъ, работалъ лѣто, а на зиму ушелъ въ монастырь, откуда уходилъ только на лѣто, для помощи благодѣтелю. Такъ протекло нѣсколько лѣтъ, наконецъ, монастырское начальство взяло на себя уплату государственныхъ податей за Наума, и Наумъ сталъ послушникомъ. Лѣтомъ былъ онъ на рыбной ловлѣ, а зимой вязалъ сѣти, проводя время въ постѣ и молитвѣ. Черезъ 28 лѣтъ по вступленіи въ монастырь, въ 1819 году, ему было дозволено носить рясу, и это глубоко обрадовало труженика. Въ это же время, въ Анзерахъ, было установлено чтеніе Псалтири безпрерывно—и Наумъ былъ назначенъ туда псаломщикомъ. Уже онъ въ это время считался человѣкомъ высокой жизни. Старецъ—пустынникъ Ѳеофанъ, о которомъ у насъ только что предъ симъ шла рѣчь, прибывъ въ монастырь, спрашивалъ: «Кто у васъ Наумъ? Покажите мнѣ его. Онъ строитъ себѣ прекрасную палату». Оба подвижника видѣлись между собою, но «бесѣды ихъ остались тайною для другихъ». Черезъ нѣсколько времени монастырскому начальству пришла мысль: такъ какъ у Наума нѣтъ увольнительнаго свидѣтельства отъ общества, то его слѣдуетъ выслать изъ монастыря, что̀ и стали было осуществлять: но это не удалось. Когда Наума, безпрекословно повиновавшагося, повезли въ карбасѣ, то поднялась сильная буря. Путники возвра-

тились въ монастырь, и Наумъ опять сталъ жить, какъ прежде. По прежнему онъ любилъ уединяться для молитвы. Никогда не мылся въ банѣ, не пилъ ни вина, ни пива, ни чаю, не носилъ теплой одежды; у него не было даже сорочки. Онъ ходилъ постоянно въ своихъ ветхихъ рясѣ и подрясникѣ. Днемъ онъ никогда не спалъ, а по ночамъ весьма немного и всегда вставалъ за часъ до начала службы и колокольчикомъ будилъ сосѣдей. Постелью ему служила доска, а изголовьемъ полѣно. Все имущество его состояло изъ Псалтири, да «Лѣствицы Іоанна Лѣствичника. Не имѣя у себя ничего съѣстного, онъ къ обѣду и ужину постоянно ходилъ на трапезу, но вкушалъ мало: вся жизнь его была пощеніемъ Въ келліи съ нимъ жили пѣтухъ да котъ. «Для чего у тебя пѣтухъ?»—спросилъ разъ о. Наума преосв. Игнатій Олонецкій, любившій, подобно преосв. Варлааму Архангельскому, посѣщать и бесѣдовать съ о. Наумомъ. «Съ нимъ жить,—отвѣчалъ онъ,—полезно, владыко. Какъ онъ запоетъ ночью, вотъ и вспомнишь Апостола Петра, какъ онъ гласомъ петела пробудился къ плачу о своемъ грѣхѣ». Въ 1826 году пріѣхалъ въ Соловки, изъ Кирилловскаго монастыря, архимандритъ Досифей настоятелемъ. Онъ былъ постриженникомъ Соловецкой обители, вмѣстѣ съ Наумомъ трудился на рыбной ловлѣ и обучилъ его русской грамотѣ. Найдя своего друга изможденнымъ, кроткій Досифей освободилъ старца отъ всякихъ трудовъ и поручилъ только чтеніе сунодика въ церкви препод. Зосимы и Савватія и возженіе лампадъ у гробницъ препод. Германа и Иринарха. Въ этомъ послушаніи о. Наумъ провелъ 27 лѣтъ, совершенствуясь въ духовной жизни. Только въ 1834 году онъ принужденъ былъ выѣхать изъ монастыря въ Кемь, въ виду ревизіи, но вскорѣ возвратился обратно. Знав-

шіе и уважавшіе подвижника, кемляне выхлопотали ему увольненіе отъ общества, и Наумъ уже навсегда возвратился въ обитель. Какъ ни скрывался о. Наумъ, но всѣмъ было ясно видно, что онъ сподобленъ дара прозрѣнія, какъ показали многочисленные случаи его проявленія. Такъ, одинъ братъ похитилъ у богомольца нѣсколько чаю и, когда это оказалось никому не замѣтнымъ, пилъ его съ удовольствіемъ. Но вотъ съ нимъ встрѣчается о. Наумъ и, къ невыразимому ужасу и удивленію, ласково говоритъ: «А что, братъ, нынѣ чаекъ попиваешь и теперь у тебя его вдоволь. Да спокойно-ли на сердцѣ?». Еще въ 1848 году онъ говорилъ братіи о войнѣ Россіи съ англичанами, а за три мѣсяца до смерти, выходя изъ Преображенскаго собора, старецъ остановился, посмотрѣлъ кругомъ и сказалъ: «Скоро здѣсь жарко будетъ»—дѣйствительно скоро началась стрѣльба съ англійскихъ судовъ. Въ то же время отецъ Наумъ обладалъ и даромъ чудотворенія: по его молитвѣ исцѣлилось нѣсколько больныхъ, но особенно замѣчателенъ слѣдующій случай. Соловецкій іеромонахъ Г***, ѣздившій на богомолье, горько сокрушался, что, изъ за непогоды, ему не удастся быть на праздникѣ прп. Савватія, 27 сентября, и молился св. угодникамъ, вспомнилъ и о Наумѣ. Мысленно обратившись къ нему со слезами подумалъ: «Ты ежедневно находишься въ храмѣ св. угодниковъ и предъ мощами ихъ читаешь канонъ, умоли ихъ, чтобы услышали мое желаніе и удостоили меня торжествовать съ вами свѣтлый день ихъ праздника». Прошли сутки, вдругъ, послѣ нѣсколько-дневнаго затишья, подулъ попутный вѣтеръ, и іеромонахъ благополучно прибылъ въ обитель къ празднику. «Вотъ, братъ,—сказалъ ему о. Наумъ, здороваясь,—въ самый разъ попалъ домой; въ праздникъ да къ литургіи».

«Да,—отвѣчалъ тотъ,—молитвами св. угодниковъ». «Это правда,—замѣтилъ старецъ,—но меня зачѣмъ поминалъ? Вспомни устье Архангельска. Какъ ты тамъ молился? Я земля и тлѣніе, и какія отъ меня молитвы? Однако же, никому не говори объ этомъ, пока не умру. А теперь иди и молись Богу и св. угодникамъ». Незадолго до смерти о. Наумъ заболѣлъ, но предсказалъ, что онъ поправится и, дѣйствительно поправился. Онъ до самой смерти не оставлялъ молитвы и своего послушанія. Скончался же Наумъ 62 лѣтъ, тихо и мирно, получивъ елеопомазаніе и причастившись св. Таинъ, 10 іюня 1853 г. и былъ погребенъ внутри монастыря, близъ усыпальницы преподобнаго Зосимы.

Заключеніе.

Примѣру отца Наума, Ѳеофана и др. послѣдователи есть и нынѣ. Въ настоящее время духъ подвижничества выражается также двояко: одни идутъ путемъ пустынножительства, другіе живутъ въ монастырѣ. Выдающіеся опытностію въ духовной жизни старцы являются наставниками для молодыхъ. Иногда, при этомъ, бываетъ, что если такой старецъ видитъ неудовольствіе на себя другихъ, прекращаетъ учительство для сохраненія мира среди братіи... Такъ развиты среди нихъ любовь и смиреніе! Но сокровище духа не заключается только въ одномъ Соловецкомъ монастырѣ. Духомъ этого подвижничества живутъ и многія другія обители. Таковы, напримѣръ, Кожеозерская возобновленная въ 1853 г. игуменомъ Митрофаномъ и возведенная архи-

мандритомъ Питиримомъ на высокую степень благоустроенности (оба Солов. постр.); Крестный монастырь—иг. Варлаамъ и Матѳій—Солов. постр.); Трифоно-Печенгская (игуменъ Іонаѳанъ); Ульяновская (при мощахъ пермскихъ святителей),—и другія. Благодаря соловецкому иночеству, онѣ имѣютъ счастіе видѣть у себя великихъ въ своемъ смиреніи, «но міру незримыхъ подвижниковъ».